

переняли славянофилы, эстетика которых была основана на поисках аналога античности для русской нации, результатом чего явилось сближение Руси древней и современной, идеализация форм жизни домонгольской Руси, крестьянской общины, крестьянского «мира», вече и т.п.

6. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. М. 1974. Т. 2. С. 553–554, 559.

7. Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder gesammelt von L.A. von Arnim und C. Brentano. Bde 1-3. Heidelberg-Frankfurt, 1806-1808. Bd.1. S.463.

8. См.: Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М., 1966.

9. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. М. 1974. Т.2. С.556–557

10. См. об этом: Строев П.М. Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815. С.9–12.

11. Строев П.М. Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815. С.16–17

12. Строев П.М. Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815. С.41–42.

13. Шеппинг Д.О. Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. М., 1862. С.17–18. См. также: Котляревский А.А. Сочинения. СПб., 1890. Т.2. С.258.

14. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. М. 1979. Т.7 С.59.

15. Переписка Н.В.Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т.1. С.49.

16. Манн Ю.В. Гоголь // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т.1. С.594.

© И.К. Миронова, А.В. Снигирев
Екатеринбург

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПИЩА. ЕДА»
В РОМАНЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»**

Кажется, ни в каком другом романе М.Е. Салтыкова-Щедрина нет такого буйства пожирающей плоти, как в «Истории одного города». Герои едят постоянно, иногда даже друг друга, умирают от обжорства, пьют, закусывают, запихивают куски пирога в рот и даже ведут войны за повсеместное употребление горчицы. Та настойчивость, с которой Салтыков-Щедрин с первых же страниц своего романа использует лексику, входящую в семантическое поле «Пища. Еда», ее высокая частотность, с одной стороны, и то, что в «Описи градоначальникам» в качестве славных деяний последних упоминается и то, что и как они едят («Фердыщенко... Недоимки запустил; любил есть буженину и гуся с капустой»¹), с другой, является знаком особых функций этой лексики в романе.

В русском языке лексика, обозначающая процессы приготовления и употребления пищи, составляет обширное семантическое поле, в котором выделяется множество пересекающихся микрополей: лексико-семантические группы глаголов «Приготовление пищи» (готовить, варить, жарить, печь, стряпать), «Физиологического действия» (есть, кушать, питаться), различные тематические группы слов (фрукты, овощи), лексемы, называющие объекты и результаты процесса приготовления пищи (мясо, суп, рыба, поросенок, пирог) и др. Характеризуя данную лексику в целом, можно сказать, что в большинстве своем это слова в прямом номинативном значении и лишь небольшая часть этих лексем способна развивать переносные значения и метафорически осмысляться, прежде всего это глаголы, обозначающие физиологические действия (есть поедом, дым ест глаза).

На первый взгляд лексика такого характера, связанная с бытовыми подробностями жизни человека, не должна привлекать внимание художника. Но удивительное языковое чутье М.Е. Салтыкова-Щедрина позволило ему не только использовать эту лексику в основном ее значении, но и создать с ее помощью запоминающиеся метафоры и образы.

В романе Салтыкова-Щедрина «История одного города» выделяются три основные текстовые функции лексики, относящийся к семантическому полю «Пища. Еда».

1. Создание метафор

На продолжении всей главы «Фантастический путешественник» градоначальник Фердыщенко путешествует по городскому выгону и ест. Ест и «тёшку осетровую соленую, да севрюжку провесную среднюю, да кусок ветчины» (с.106), потом «сели обедать», «время между тем продолжало тянуться с безнадежной вялостью: обедали-обедали, пили-пили, а солнце все высоко стоит» (с.107). На третий день «в стороне дымились котлы, в которых варилось и жарилось такое количество поросят, гусей и прочей живности, что даже попам стало завидно» (с.109). Апофеозом путешествия стал обед: «После второй перемены (был поросенок в сметане) ему сделалось дурно; однако он превозмог себя и съел еще гуся с капустою. После этого ему перекосило рот» (с.109).

На первый взгляд, в смерти градоначальника от обжорства нет ничего особенного. Но то, что Салтыков-Щедрин пишет об этом в отдельной главе и особенно щедро употребляет лексику со значением приготовления и употребления пищи, заставляет задуматься.

Градоначальство Фердыщенко отмечено многими событиями: голодом, подавлением бунтов, самоуправством и самодурством. Причем градоначальник постоянно связан с едой. Автор пишет о нем: «он ел жирную пищу» (с.77), Аленка, отобранная у мужа, кричит ему: «На, пес! жри! жри! жри!» (с.80), в то время как город голодает и глуповцы «придумывали, какую пищу стряпать, от которой была бы сытость, мешали муку с ржаной резкой, но сытости не было; пробовали, не будет ли

лучше с толченой сосновой корой, но и тут настоящей сытости не добились» (с.83).

Постоянное упоминание о том, что Фердыщенко ест в противопоставлении все нарастающему голоду глуповцев, создает поистине щедринскую гротескную картину объедания и даже поедания градоначальником своего народа (не случайно Митька говорит: «Ты, старый пес, у меня жену уведом увел, и я тебе это, старому псу, прощаю... жри!» (с.81) Новому градоначальнику, Бородавкину, глуповцы говорят: «Что хочешь с нами делай! Хошь – на куски режь; хошь – с кашей ешь» (с.116).

И смерть Фердыщенко от обжорства приобретает черты не случайно-го совпадения обстоятельств, а некой высшей кары, которая, однако, не заставила глуповцев задуматься.

2. Создание пародийного текста

Об одном из героев главы «Эпоха увольнения от войн» Беневоленском уже в «Описи градоначальников» сказано: «едал пироги с начинкой» (с.42). Беневоленский, созданный Салтыковым-Щедриным во многом на основе реального исторического лица – Сперанского, также как и его прототип, увлечен написанием и изданием всяческих законов и положений. Один из этих документов, а именно «Устав о добропорядочном пирогах печении», можно назвать апофеозом бюрократической глупости. В нем градоначальник последовательно регламентирует действия горожан – от «1. Всякий да печет по праздникам пироги, не возбраня себе таковое печение и в будни» (с.145) до «5. Исполнивший сие да яст» (с.145). Примечательно, что градоначальник пытается заключить в рамки инструкции весь процесс приготовления пищи, связывая его при этом с социальным статусом человека («Люди неимущие да кладут требуху») (с.145). Описывая особенности приготовления пищи («класть пирог в печь и содержать в вольном духе, доколе не зарумянится») (с.145), он отмечает даже то, из чего нельзя делать пироги («Делать пироги из грязи, глины и строительных материалов навсегда возбраняется») (там же), но при этом нигде не упоминается о важной составляющей пирога – тесте. Пирог в таком случае приобретает вид аморфной массы из начинки, яиц и масла, приготовляемой каким-то невероятным способом в печи, в которой нет огня («в вольном духе»). При этом, однако, градоначальник не забывает и о себе: «По вынугии из печи, всякий да возьмет в руку нож и, вырезав из середины часть, да принесет оную в дар» (с.145). Глуповцы правильно поняли устав и «все наперерыв спешили обрадовать Беневоленского: каждый приносил лучшую часть, некоторые дарили даже по целому пирогу» (с.145).

Перед нами контаминация двух, казалось бы, взаимоисключающих текстов – поваренной книги и официального документа. Приводя текст «Устава о добропорядочном пирогах печении» Салтыков-Щедрин показывает не только бездарность и ненужность многих законов, издаваемых государством, но и то, что правительство из любой ситуации пыта-

ется извлечь прежде всего выгоду для себя. И глуповцы очень хорошо это понимают, так как они «издревне были приучены вырезать часть своего пирога и приносить его в дар» (с.145).

3. Создание гротескных образов

О следующем правителе Прыше уже из «Описи градоначальников» известно, что он «оказался с фаршированной головой» (с.42). При этом во время его правления город Глупов как никогда процветал: «Так прошел и еще год, в течение которого у глуповцев всякого добра явилось уже не вдвое или втрое, но вчетверо» (с.150). Что характерно, градоначальник совершенно ничего не делал, а только ел: «Нельзя сказать, чтоб предводитель отличался особенными качествами ума и сердца; но у него был желудок, в котором, как в могиле, исчезали всякие куски» (с.151). Лексика, относящаяся к семантическому полю «Пища. Еда», становится в таком случае знаком благоденствия, и причина благодеяния глуповцев в том, «что у градоначальника их была фаршированная голова» (с.153).

Внимание Салтыкова-Щедрина к языку, к детали, к подробности, его тщательная работа со словом, его желание обойти цензуру привели к тому, что почти все в романе «История одного города» имеет двойной, а то и тройной смысл. Так и лексика, входящая в семантическое поле «Пища. Еда», выступает не только в своем основном значении, но и позволяет создать автору сатирические и гротескные образы, обобщения.

Примечания

1. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. М. 1970. С.41. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы.

© Н.В. Мосеева
Екатеринбург

ПРИРОДА ДИАЛОГИЧЕСКОГО СЛОВА В «МОЦАРТЕ И САЛЬЕРИ» А.С. ПУШКИНА

Как известно, М. Бахтин отказывал драме в полифонии, называя драматическое слово объектным, а драму – объединенной единым монологическим сознанием автора (см.: 218–219)¹. Однако понятие полифонии (или ее частный вариант – «двуголосое слово») в контексте более поздних работ исследователя тесно связано с понятием «драматизм», т. е. «с возможностью восприятия диалогической речи в ее внутреннем распадении по разным «голосам»². Примечательно, что взаимопроникновение сознаний и голосов героев, их отражение друг в друге является характерной чертой не только романов Достоевского, но, как можно предположить, и пьесы Пушкина «Моцарт и Сальери» – самой идеологической из цикла «маленьких трагедий»: не случайно в репликах Моцарта постоянно присутствует «чужое слово», или слово Сальери, – только в иной, «мажорной», окраске.